

ИЗ ЖИЗНИ ТОМСКОГО СТУДЕНТА: ПИСЬМА К.К. БЕЛКИНА К НАРОДОВОЛЬЦУ Н.А. МОРОЗОВУ (1916 г.)

Реконструируется биография студента медицинского факультета Императорского Томского университета Крониды Константиновича Белкина, который с 1916 г. вел переписку с народовольцем Н.А. Морозовым. Письма К. Белкина, его личные дела и материалы периодической печати дают возможность не только восстановить его биографию, но и рассмотреть в целом повседневную жизнь сибирского студенчества накануне русской революции 1917 г.

Ключевые слова: К.К. Белкин; Н.А. Морозов; студенчество; Томский университет; письма.

В фонде народовольца, почетного академика АН СССР Николая Александровича Морозова (1854–1946 гг.), хранящемся в Архиве Российской академии наук, имеются два письма студента медицинского факультета Императорского Томского университета Крониды Константиновича Белкина, датированные 1916 г. Они представляют несомненный интерес для изучения истории томского студенчества. Вот краткие сведения об этом студенте. Кронид (Калман) Константинович Белкин родился 15 июля 1894 г. в д. Гуровщино Киевской губернии в семье мещан. Вместе с родителями переехал на Дальний Восток. Рано лишился матери [1. С. 3; 2. Л. 6]. Среднее образование получил в Хабаровском реальном училище, окончив его в 1912 г. с седьмым дополнительным классом, сдав при этом еще и экзамен по латыни, необходимый для поступления на медицинский факультет. Чтобы у него не было препятствий при поступлении в университет, 20 января 1913 г. он принял православную веру и был крещен с именем Кронид и отчеством Константинович [3. Л. 2 об.].

В 1914 г. К. Белкин был принят на медицинский факультет Императорского Томского университета. Среди профессоров, у которых он учился в университете, были ботаник В.В. Сапожников, физиолог А.А. Кулябко, терапевт М.Г. Курлов, фармаколог Н.В. Вершинин, гистолог С.Г. Часовников и др. [4]. В октябре 1915 г., когда К. Белкин учился на втором курсе, состоялось его знакомство с Н.А. Морозовым, приехавшим в Томск для чтения лекций.

Знаменитый народовец уже давно собирался приехать в Сибирь. В 1909 г. известный исследователь Сибири Г.Н. Потанин писал Н.А. Морозову: «Если у Вас действительно родилось такое намерение, то я спешу предложить свои услуги; я могу списаться со своими друзьями по дороге в Сибирь, в Омске, Красноярске и Иркутске. Если Вы прочтете лекции во всех этих четырех городах, это обеспечит материальный успех лекций. Появление Ваше в Томске доставило бы большое удовольствие здешнему интеллигентному обществу, помимо Ваших замечательных речей мы нашли бы духовное удовлетворение уже в одном том, что увидели Вас в своем кругу» [5. Л. 1–2]. Однако эта поездка состоялась лишь 6 лет спустя. До Томска он и его супруга, известная пианистка, профессор Петроградской народной консерватории Ксения Александровна успели побывать в городах Восточной Сибири. 13 октября 1915 г. они приехали в Томск.

В газете «Сибирская жизнь» начиная с 10 октября 1915 г. публиковались материалы, связанные с этой поездкой. Так, 11 октября газета сообщила: «15 и 16 октября в Томске большой культурный праздник – лекции Николая Александровича Морозова, и, надо полагать, Томск, культурный центр Сибири, отметит этот день и последующие достойным образом. Поездка Морозова по всей Сибири (он возвращается с Дальнего Востока) сопровождалась сплошным триумфом, большим подъемом общественности [6].

14 октября 1915 г. в здании Общественного собрания (ныне Дом офицеров) Морозовыми был организован «Вечер поэзии и музыки», который произвел на студентов и общественность Томска большое впечатление. Н.А. Морозов читал стихи под музыкальное сопровождение супруги. Это были произведения Бетховена, Вагнера, Скрябина, Чайковского, Шопена, Шуберта и других композиторов. Та же «Сибирская жизнь» писала: «Как-то само собой на глазах слушателей исчезла грань между эстрадой и зрительным залом, общий энтузиазм в своем неудержимом порыве стирал на миг все сословия и имущественные различия, молодежь и старики с одинаково горящими глазами с напряженным вниманием ловили каждый звук рояля, каждое слово своего дорогого гостя» [7]. 15 и 16 октября Н.А. Морозов в здании Общественного собрания прочитал лекции «В поисках философского камня» и «Современное воздухоплавание и боль общественной жизни народа».

Наряду с лекциями Н.А. Морозов имел встречи с представителями местной интеллигенции, профессорами университета и технологического института. Состоялась его беседа с редактором «Сибирской жизни» Г.Б. Баитовым. Вот что ответил Н.А. Морозов на вопрос последнего о том, что он думает о сибирской интеллигенции: «В России, в общем, интеллигенция везде одинакова, и роль ее очень велика. Интеллигенция сибирская носит тот же характер, как и в Европейской части России. Есть, впрочем, и некоторые отличия. Среди интеллигенции в Сибири много переменного элемента, который живет временно и стремится вернуться в Европейскую Россию. Вообще от Сибири у меня получилось самое отрадное впечатление, в особенности от Дальнего Востока» [8].

Н.А. Морозов большие надежды на рост общественного самосознания связывал с введением в Сибирь земств. «Чем больше свободы и самоуправления, – подчеркнул он, – тем быстрее пойдет экономи-

ческое, гражданское и духовное развитие населения». После отъезда из Томска Н.А. и К.А. Морозовы направились в Новониколаевск, затем в Омск и Петропавловск. В последующие годы Н.А. Морозов вел переписку с А.В. Адриановым, Н.П. Карповой, Л.Н. Гутовской, Б.П. Вейнбергом, О.А. Зубашевой и Я.И. Михайленко [9].

Встречи, лекции и концерты с участием Морозовых в Томске, несомненно, привлекали внимание и местных студентов. На одной из таких встреч К.К. Белкин и познакомился с Н.А. Морозовым, Н.А. Морозов даже запечатлел это событие на фотографии.

В газете «Сибирская жизнь» от 16 октября 1915 г., наряду с объявлением о лекции Н.А. Морозова, была помещена статья о студенческой жизни, где речь шла о столовой, в помещении которой располагались также квартирное бюро и студенческое бюро труда. В связи с приемом новых студентов организации эти разрастались, в здании становилось тесно. Отметим, что ежедневно столовую посещали 900 человек. В обеденное время можно было наблюдать длинные очереди студентов, желающих отобедать. Вот что писала газета: «Все эти необходимые для студенчества организации слишком скучены и теснятся в скромном здании, не имея возможности развить свою деятельность шире. Особенно нужна просторная, гигиеничная столовая, где уставший студент мог бы спокойно, не торопясь пообедать» [10]. На этой почве нередко возникали конфликты.

В письме Н.А. Морозову от 19 февраля 1916 г. К.К. Белкин подробно остановился на одном инциденте в студенческой столовой, в ходе которого ему пришлось защищать интересы студенческой комиссии на третейском суде. Вот что он писал об этом случае: «По Вашему отъезду произошел инцидент в студенческой столовой из-за обвинений, брошенных одним из столоующихся в недобросовестном ведении дела. Обвинение было брошено при всех столоующихся громогласно. На предложение сформулировать свои обвинения на бумаге этот господин набросился с кулаками на дежурного по столовой. Его удержали, и он ушел. Тогда дежурный подошел с плетью к председателю и заявил ему, что его довели до такого состояния, что он при нападении будет защищаться плетью. Студенты, это видевшие, подняли тогда спор о том, что появление с плетью есть оскорбление студенчества» [11. Л. 1].

Третейский суд, который был устроен по инициативе студентов, вынес порицание обвиняемому, предложив ему извиниться, а также заявить, что появление с плетью дежурного было мерой вынужденной. Так как дежурный был одним из членов студенческой организации, то и ему было выражено порицание. Далее К. Белкин писал: «Студенческая комиссия поняла приговор как порицание самой себя, и большинство (и я) подали в отставку. Между прочим, этот инцидент лишней раз подчеркнул наше бытовое явление в Томске, что студенты посылают своих делегатов на общественную работу неохотно, и поэтому подобные случаи, когда студенты не дорожат своими организациями и своими представителями, бывают довольно часто» [Там же. Л. 2].

К. Белкин остановился также на характеристике других общественных студенческих организаций, существовавших в то время в Томске. Речь, в частности, шла о попытках создания студенческого кооператива, чему, по его словам, администрация университета не давала ход. Главное преимущество студенческой организации кооперативного образца перед землячествами ее приверженцы видели в более крепкой внутренней связи и в большем, не ограниченном только земляческой общностью, объединительном потенциале, способном превратить студенчество в «мощную корпорацию».

По мнению специалиста по истории дореволюционной высшей школы А.Е. Иванова, наиболее распространенным видом студенческого кооператива были торгово-закупочные предприятия (магазины и лавочки), снабжавшие студентов предметами первой необходимости по льготным ценам. В статье о студенческой «самопомощи» А.Е. Иванов писал, что создание подобных организаций свидетельствовало об изживании патерналистских настроений в среде учащихся, которые уже не надеялись на эффективную помощь государства [12. С. 35–50].

Еще в 1911 г. специальная комиссия в составе профессоров Томского университета М.Н. Соболева, Н.Я. Новомбергского и М.И. Боголепова занялась разработкой устава студенческого кооператива. Было решено создать смешанный потребительский кооператив из студентов университета и технологического института, а также слушательниц Сибирских высших женских курсов. Подготовленный устав был отправлен в Министерство народного просвещения. Однако из-за сурового отношения к студенчеству министр Л.А. Кассо в легализации кооператива отказал, мотивируя это недопустимостью «смешанных студенческих организаций» [13. С. 43–50].

В письмах Н.А. Морозову К. Белкин подробно остановился на дальнейшей судьбе студенческого кооператива. «Мы, студенты, – писал он, – долго боремся за разрешение нам открыть кооператив, но нам не удается, посылали даже депутацию к министрам, но не удалось, т.к. бывший ректор М.Ф. Попов (управляющий учебным отделом Министерства здравоохранения) с проректором П.И. Тиховым <...> дали отзыв, что здесь студенты не нуждаются. Между тем для служащих университета и профессоров открыли недавно кооператив, то же в Технологическом институте и для средних школ при попечителе» [11. Л. 5 об.]. Студенты, по его словам, даже устраивали забастовки, которые выражались в непосещении лекций.

Нежелание власти создавать подобного рода организации можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, не стоит забывать, что в это время российское правительство проводило достаточно жесткую политику пресечения возможных революционных выступлений. Студенчество, безусловно, являясь революционизированной частью общества, могло использовать студенческие кооперативы не только в экономических целях, но и для обсуждения текущей политической ситуации. Тем более что обстановка на фронте и снабжение продовольствием не внушали большого оптимизма. Также правительство, к тому

времени уже наученное опытом студенческих волнений в годы революции 1905–1907 гг., студенческих забастовок (1911 г.), не хотело допускать даже потенциальную возможность самоорганизации студентов. Во-вторых, сам факт создания кооператива с целью экономической помощи студентам являлся отрицательным для правительства фактом, так как он показывал нарушения в снабжении продовольствием.

Из научных организаций в то время в Томске К. Белкин отмечал Сибирский научный кружок при университете, технический кружок в технологическом институте и естественный кружок на Сибирских высших женских курсах. Про студенческое Пироговское медицинское общество он в письме сообщил: «После трехлетнего перерыва разрешено начать свою деятельность, но очень поздно дано разрешение, сейчас все уже готовится к экзаменам, и докладов пока нет» [11. Л. 1]. Отметим, что студенческое Пироговское общество в Томском университете, открытое в 1907 г., являлось одним из первых студенческих научных обществ в России. Основателем и первым председателем Пироговского общества был профессор по кафедре гистологии и эмбриологии А.Е. Смирнов [14. С. 154–157]. Как отмечал журнал «Сибирский студент», это общество объединяло студенчество, сближало университет с обществом и пыталось на взаимном доверии объединить студенчество с профессурой [15. С. 70–74].

Надо сказать, что К. Белкин активно принимал участие в заседаниях Томского общества изучения Сибири и Общества практических врачей. Об этих заседаниях можно было узнать из новостей сибирской прессы. Газета «Сибирская жизнь» от 7 февраля 1916 г. писала: «Во вторник, 9 февраля, в 7.30 часов вечера в большой аудитории горного корпуса технологического института имеет быть годичное собрание членов Томского общества изучения Сибири. На собрании будет заслушан годичный отчет о деятельности общества, произведены выборы нового состава совета общества и ревизионной комиссии. Кроме того, В.Е. Воложаниным будет прочтен доклад на тему: «Эволюция областничества». Вход на заседание свободный для всех желающих» [16].

В письме от 19 февраля 1916 г. Кронид упомянул о том, что доклад В.Е. Воложанина вызвал «оживленные прения», когда между собой столкнулись областники и марксисты во главе с известным меньшевиком Н.А. Рожковым на тему будущей судьбы сибирского областничества. Доклад В.Е. Воложанина был опубликован в газете «Сибирская жизнь» 12 февраля, а прения по поводу доклада – 13 февраля 1916 г. Помимо этого, на заседании были заслушаны доклады Г.Н. Потанина о монгольских сказаниях и Д.И. Голенищева-Кутузова о кооперации.

На заседании Общества практических врачей был заслушан доклад доктора Н.И. Соломина на тему «О врачах и социологии». «Докладчик, – писал Кронид Морозову, – разобрав вопросы о врачебной этике и общественной медицине в связи с современной жизнью, пришел к мысли, что надлежит иметь по этому вопросу особые кафедры при университетах.

Все оппоненты: профессора, врачи, студенты, приветствовали эту мысль и еще более ее развивали» [11. Л. 2].

В конце первого письма к Н.А. Морозову Кронид писал о своих успехах и неудачах в учебе: «В настоящее время готовлюсь по фармации, органической химии и анатомии. На Рождество сдал первую часть гистологии, а в январе провалился по физике (очень плохо знал и теперь стыжусь, что пошел на экзамен)». В свою очередь, он просил Н.А. Морозова написать о его лекциях и концертах в Петербурге, о том, как работает Петербургское общество естествоиспытателей, о высшей школе, О Государственной думе и Совете, о войне и русской жизни в целом [Там же. Л. 3].

Не будем забывать, что в это период Российская империя уже третий год участвовала в Первой мировой войне на стороне Антанты. Еще в декабре 1915 г. у К. Белкина возникла мысль «прийти на помощь государству в тяжелые дни». «Прибывшие с фронта врачи и профессора, – писал он Н. Морозову, – заявили нам о большом недостатке братств милосердия. Студенты обратились с просьбой организовать курсы. Медицинский факультет внял нашим просьбам и учредил курсы на 250 человек для студентов-медиков (с 20.1 по 20.3) и на 250 человек юристов, технологов и курсисток (с 21.2–22.4). Я, конечно, поступил на эти курсы и думаю обязательно поехать на фронт, ибо большим грехом считаю сидеть в тылу без дела» [Там же. Л. 2].

Однако на фронт Кронид так и не поехал. К тому времени у него начались частые кровотечения в горле (катар горла). Весной 1916 г. он по поручению Переселенческого управления отправился в самую южную часть Томской губернии, на Алтай, где стал работать старшим инспектором по проведению Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Там Кронид еще и смог поправить свое здоровье.

«Был я в Змеиногорском уезде, – писал К. Белкин Н.А. Морозову о днях, проведенных на Алтае. – С севера у меня район граничил рекой Ульбой, с запада со степями Семипалатинской области, на юге Китайской республикой и с востока Бийским уездом. Пути сообщения ужасные, все время путь идет горами. Население состоит из потомков сосланных и беглых еще при Екатерине II старообрядцев и раскольников. Принимали нас хорошо, а где и худо. Были два случая отказа от регистрации. Дело в том, что, по их мнению, переписи несут на себе «печать Антихриста» [Там же. Л. 4].

К. Белкин подробно описал свое пребывание на Алтае и поделился своими впечатлениями о богатстве этого края полезными ископаемыми. Так, он сообщил Н.А. Морозову о посещении шахты «в 18 этажей» на Зырянском руднике, обогатительной фабрики, разрабатывавшей руду на Риддерском руднике. Находясь в Змеиногорском уезде, он много общался с местным населением и удивлялся старикам, которые за свою жизнь никуда не выезжали из села и имели «о нашем государственном управлении и о войне невероятные представления» [Там же. Л. 4 об.].

Далее он сообщил о начавшейся мобилизации инородцев и беспорядках, вызванных этим. В результате целый край остался без рабочих. Упоминает он и о карательных отрядах из казаков, направленных на

подавление недовольных, заметив, что «о многом-то писать и нельзя, все равно цензура не пропустит» Здесь речь идет о восстании местного коренного населения против Указа царя от 25 июня 1916 г. о принудительной мобилизации инородцев «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии» [17. С. 638–639].

Вернувшись с Алтая в конце сентября 1916 г., К. Белкин, пропустив экзаменационные сроки, был оставлен на второй год на втором курсе. «Меня, – писал он Н.А. Морозову, – к себе пригласил профессор Часовников для помощи ему в практических занятиях по гистологии со студентами. На мне лежит обязанность следить за имуществом в лаборатории для студентов, готовить, раздавать и объяснять материалы на практических занятиях студентам». Он и его сокурсник А. Алекторов помогали профессору С.Г. Часовникову вследствие большого количества студентов, посещавших практические занятия по этому курсу [11. Л. 5; 18. С. 43].

Из писем К.К. Белкина можно составить представление и о том, что в то время происходило в Томском университете. Так, он писал о выборах ректора, политических симпатиях новой администрации университета: «Недавно у нас были выборы ректора – избран крайний правый, заслуженный профессор И.Н. Грамматикати, проректором профессор П.П. Авроров – тоже правый, а деканом медицинского факультета профессор В.Н. Саввин – человек, несомненно, прогрессивный, истинно уважаемый и любимый среди студентов. Пять лет он был председателем Пироговского студенческого медицинского общества, а также состоит в нем членом правления. Таким образом, у нас проректор и ректор правые, а деканы и секретари прогрессивны, ибо у юристов декан профессор П.И. Лященко, всеми уважаемый человек» [11. Л. 5 об.].

Действительно, в ноябре 1916 г. М.Ф. Попова, ректора с 1913 г., назначили на должность начальника учебного отдела Главного управления государственного здравоохранения в проектируемом Министерстве медицины, и он переехал в Петроград. Вместо него был избран профессор по кафедре акушерства и гинекологии И.Н. Грамматикати [4. С. 84, 195, 269].

Судя по сохранившимся в архиве письмам, переписка Белкина с Морозовым не имела продолжения. Интересна дальнейшая судьба этого студента. После Февральской революции он вступил в партию эсеров и стал принимать активное участие в партийной жизни. В сентябре 1917 г. он баллотировался в Томскую городскую думу по списку этой партии, но в депутаты не прошел [19]. Кронид заведовал также отделом пропаганды местной организации правых эсеров.

Как видно из его личного дела, в феврале 1918 г. Кронид заявил о своей приверженности атеизму и отказался от православия, попросив проректора В.Н. Саввина указывать его в деловых бумагах как лицо, «не принадлежащее ни к какому вероисповеданию» [3. Л. 5–6].

Затем начинается активное участие К. Белкина в борьбе с советской властью. В апреле 1918 г. он в ка-

честве связного от томского антибольшевистского подполья выезжает в Харбин для встречи с членами «Сибирского правительства» в изгнании. Во время антисоветского выступления в Иркутске 14 июня 1918 г. К. Белкин, находясь в этом городе, стал свидетелем событий и по горячим следам оставил о них воспоминания, опубликованные затем в сибирской печати [20. С. 316; 21. С. 169]. Судя по анкете из личного дела, в период Гражданской войны К. Белкин «был мобилизован Колчаком и служил фельдшером. Дезертировал из армии по болезни» [2. Л. 5 об.]. Продолжив учебу в университете, он в конце января 1920 г. лечился в хирургическом отделении военного госпиталя, где ему дважды провели операцию по поводу туберкулёза рёбер и гнойного плеврита.

К.К. Белкин ходатайствовал вместе с профессором Н.И. Березнеговским о создании издательской комиссии при университете для обеспечения издательской деятельности [22. Л. 21 об.]. Однако 7 сентября 1921 г. К. Белкин был арестован как активный член партии социалистов-революционеров. Вместе с ним были задержаны еще две студентки Томского университета: Б.Б. Тузык и Р.А. Блох [23. Л. 264]. В начале 1922 г. в Томском университете образовалась группа студентов, имевших отношение к партии эсеров. Они, руководствуясь директивами своей партийной организации, завязали связь со студентами-эсерами из Томского технологического института и начали «борьбу против коммунистических организаций в вузах и против всех мероприятий советской власти в вузах Томска».

Участники этой группы устраивали нелегальные собрания на квартирах, на которых обсуждали методы борьбы с советской властью. Они произносили антисоветские речи на студенческих собраниях, выпускали и зачитывали антисоветские декларации и т.д. Главными руководителями этой группы были два эсера-колчаковца – К.К. Белкин и В.С. Малиновский. В конце 1922 г. все члены этой группы были арестованы и постановлением комиссии НКВД от 8 июня 1923 г. осуждены на различные сроки ссылки. Малиновский и Белкин как руководители были приговорены к заключению в концлагерь сроком на два года. 3 марта 1923 г. К. Белкин был окончательно исключён из университета распоряжением Губотдела ГПУ за № 1426/обс. [24. С. 261–262, 328–332; 25. С. 43].

О его пребывании в лагере на территории Соловецкого монастыря, известном как СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), можно узнать из воспоминаний Е.Л. Олицкой, члена партии эсеров с 1918 г., участницы подпольного антисоветского движения 1920–1930-х гг. Она, в частности, писала о врачебной деятельности бывшего студента Белкина в лагере. Вот один из эпизодов: «Эсер Белкин, врач по специальности, пытался оказать первую помощь раненым. Жорж Кочаровский, крепкий, здоровый, молодой, не хотел умирать. Двое суток он оглашал корпус своими криками. Весь живот его был разворочен, разорван в клочья. Кронид Белкин извлек из раны разрывную пулю» [26. С. 233].

В другом месте та же Е.Л. Олицкая пишет: «Меня интересовало чувство, испытываемое голодающими.

Особенный, профессиональный интерес к голодающим был у Крониды Белкина. Его интерес был интересом научного порядка. Был он очень слабого здоровья, и голодание ему было запрещено коллективом» [26. С. 153]. По-видимому, сказывались операции 1920 г. по поводу туберкулёза рёбер и гнойного плеврита.

Руководство лагеря, понимая, что врачей не хватает, разрешило К.К. Белкину вести врачебную практику. «Как врачу, – пишет Олицкая, – ему было разрешено администрацией лагеря ежедневно вместе с тюремным фельдшером обходить камеры с голодающими. В Савватии (Савватьевский скит при монастыре) голодало около двухсот человек. Поле для наблюдения было широким. Кронид переживал, что не может голодать вместе с нами, но профессиональный интерес не покидал его. Он вел ежедневные наблюдения и записи. Для нас его ежедневный обход был желанным. Он приносил нам вести о состоянии, настроении товарищей, о жизни всего коллектива» [Там же. С. 153]. Она вспоминает один случай, в котором перед нами предстаёт более сентиментальный образ Белкина, боящегося и борющегося за жизнь одной девушки: «Особенно тяжело было одной заключенной с большим сердцем. Кронид Белкин, заключенный врач, опасался за ее жизнь. Днями и ночами по очереди дежурили мы у ее койки. Неделями жила она на камфаре, а запас камфары подходил к концу» [Там же. С. 244–245].

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) от 19 июня 1925 г., ввиду окончания срока заключения, Белкин и Малиновский были высланы на 3 года на Урал. В 1926 г. он проживал в ссылке в Березове, затем в Оренбурге, а с 1928 г. в Тобольске, где был освобожден по амнистии. Однако 1 июля 1928 г. К. Белкина вновь арестовали, а 8 октября 1928 г. приговорили к высылке в Средне-Волжскую область (Бугуруслан) на 3 года.

15 мая 1931 г. ссылка была продлена еще на три года. После отбывания ссылки К. Белкин остался в Оренбурге и работал заведующим лабораторией эпидемиологии и гигиены. 9 февраля 1937 г. его в какой уже раз арестовали, а 2 февраля 1938 г. приговорили к расстрелу по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже (ст. 58-8, 9, 11 УК РСФСР). Спустя свыше 50 лет (1992 г.) бывший студент Томского университета Кронид Константинович Белкин был реабилитирован [27].

Подводя итог всему вышесказанному, можно резюмировать, что письма К. Белкина народовольцу Н.А. Морозову не только дают возможность реконструировать отдельные эпизоды из жизни дореволюционного томского студенчества с трудностями военного времени, но и расширяют наши представления о предреволюционном Томске, в котором, несмотря на войну, активно протекала научная и общественная деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список студентов, слушательниц, вольнослушателей и вольнослушательниц Императорского Томского университета на 1914–1915 уч. год. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. 120 с.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815 (Томский государственный университет). Оп. 2. Д. 358 (Личное дело К.К. Белкина).
3. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 370 (Личное дело К.К. Белкина).
4. Профессора Томского университета: биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв.ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1996. 285 с.
5. Архив академика Н.А. Морозова. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1496. Письма Г.Н. Потанина. URL: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=3222 (дата обращения: 25.05.2016).
6. Сибирская жизнь. 1915. 11 окт.
7. Сибирская жизнь. 1915. 18 окт.
8. Сибирская жизнь. 1915. 15 окт.
9. Архив академика Н.А. Морозова. Ф. 543. Оп. 4. Д. 690 (Зубашева О.А.). URL: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=2417 (дата обращения: 25.05.2016).
10. Сибирская жизнь. 1915. 16 октября.
11. Архив академика Н.А. Морозова. Ф. 543. Оп. 4. Д. 131. Письма К.К. Белкина (19 февраля 1916 г., октябрь 1916 г.) URL: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=1862 (дата обращения: 25.05.2016).
12. Иванов А.Е. Студенческая «самопомощь» в высшей школе Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 35–50.
13. Сибирский студент. 1915. № 3–4.
14. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Лонгвинов С.В. [и др.]. Алексей Ефимович Смирнов (1859–1910 гг.): из истории формирования школы морфологов в Томске // Сибирский медицинский журнал. 2010. Т. 25, № 4, вып. I. С. 154–157.
15. Сибирский студент. 1914. № 1–2.
16. Сибирская жизнь. 1919. 7 февр.
17. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Алматы : Атамур, 2000. Т. 3. 768 с.
18. Отчет о состоянии Томского университета за 1915 год. Томск : [б.и.], 1916. 145 с.
19. Голос свободы. 1917. 28 сент.
20. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация : политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 586 с.
21. Помозов О.А. День освобождения Сибири. Томск : Красное знамя, 2014. 596 с.
22. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 69 (Журналы заседаний правления).
23. ЦДНИ (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф-1. Оп. 1. Д. 55. Т. II.
24. Из истории земли Томской, 1925–1929: Народ и власть : сб. документов и материалов / Том. обл., Гос. архив ; сост. В.И. Марков, Б.П. Тренин ; редкол.: Б.П. Тренин (отв. ред.) [и др.]. Томск : [б. и.], 2000. 384 с.
25. Боль людская : книга памяти репрессированных томичей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 5. 384 с.
26. Олицкая Е.Л. Мои воспоминания : в 2 т. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1971. Т. 1. 318 с.
27. Кронид Константинович Белкин // Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d4/f47.htm> (дата обращения: 25.04.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2016 г.

FROM THE LIFE OF A TOMSK STUDENT: K.K. BELKIN'S LETTERS TO POPULIST N.A. MOROZOV (1916)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 78–83.

DOI: 10.17223/15617793/411/11

Andrey N. Kuzmin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kyzmin2008andrey@mail.ru

Keywords: K.K. Belkin; N.A. Morozov; students; Tomsk university; letters.

In the article the everyday life of Siberian students on the eve of the 1917 Russian Revolution is reconstructed on the basis of the letters of a student of the Faculty of Medicine of Imperial Tomsk University, K.K. Belkin, to the future honorary Academician of the Russian Academy of Science, a member of the Narodnaya Volya [People's Freedom], N.A. Morozov, which are kept in the archive of the Russian Academy of Sciences, of the personal files of the student and of periodical press materials. They provide information about student life, activities of public student and scientific organizations of Tomsk. It is noted that N.A. Morozov's visit to Tomsk in October 1915, during which he became acquainted with K.K. Belkin, was a significant event in the cultural life of the university city. According to the letters, there were other events in the life of the student after the departure of N.A. Morozov from Tomsk. Letters describe K.K. Belkin's participation in the All-Russian agricultural census in Altai and in Semipalatinsk Oblast, and mark the position of the local indigenous population. The details of the Tomsk University life are also reflected in the letters, namely, the political sympathies of the new university administration. K.K. Belkin together with professor N.I. Bereznevsky interceded for establishing a publishing house at the university. Participating in meetings of the Tomsk Society for the Study of Siberia and the Society of Practitioners, K.K. Belkin interceded for numerous public student organizations that existed in Tomsk. However, the university administration, in his opinion, did not favor the idea to set up a student cooperative. In the article the fate of K.K. Belkin is traced, too. In 1917, he joined the Socialist-Revolutionary Party and began to take an active part in the life of the party. During the Civil War he served in the army of Kolchak. After the restoration of the Soviet power in Tomsk at the end of 1919, K.K. Belkin was arrested twice for participating in anti-Soviet activities. Since 1923, he had been serving a sentence in various camps, including the Solovki prison camp, where he helped patients because he had studied at the Faculty of Medicine. In 1938, K.K. Belkin was arrested and executed on charges with counter-revolutionary activity and espionage. And only in 1992 he was rehabilitated. The article emphasizes that K.K. Belkin's letters expand our understanding of the pre-revolutionary life of Siberian students.

REFERENCES

1. Anon. (1915) *Spisok studentov, slushatel' nits, vol' noslushateley i vol' noslushatel' nits Imperatorskogo Tomskogo universiteta na 1914–1915 uch. god* [List of students, trainees, and volunteer noncredit students of the Imperial Tomsk University in the 1914–1915 academic year]. Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815 Tomskiy gosudarstvennyy universitet [Tomsk State University]. List 2. File 358 *Lichnoe delo K.K. Belkina* [Personal File of K.K. Belkin].
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 370 *Lichnoe delo K.K. Belkina* [Personal File of K.K. Belkin].
4. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Archive of Academician N.A. Morozov. Fund 543. List 4. File 1496 *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. [Online] Available from: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=3222. (Accessed: 25th May 2016).
6. *Sibirskaya zhizn'*. (1915) 11 October.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1915) 18 October.
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1915) 15 October.
9. Archive of Academician N.A. Morozov. Fund 543. List 4. File 690 *Zubasheva O.A.* [Online] Available from: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=2417. (Accessed: 25th May 2016). (In Russian).
10. *Sibirskaya zhizn'*. (1915) 16 October.
11. Archive of Academician N.A. Morozov. Fund 543. List 4. File 131. *Pis'ma K.K. Belkina (19 fevralya 1916 g., oktyabr' 1916 g.)* [Letters of K.K. Belkin (February 19, 1916, October 1916)]. [Online] Available from: http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=1862. (Accessed: 25th May 2016).
12. Ivanov, A.E. (2002) *Studencheskaya "samopomoshch'" v vysshey shkole Rossiyskoy imperii. Konets XIX – nachalo XX v.* [Students "self-help" in the higher school of the Russian Empire. The end of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 35–50.
13. *Sibirskiy student*. (1915) 3–4.
14. Nekrylov, S.A. et al. (2010) *Aleksey Efimovich Smirnov (1859–1910 gg.): iz istorii formirovaniya shkoly morfologov v Tomске [Aleksey Yefimovich Smirnov (1859–1910): From the history of the formation of the school of morphologists in Tomsk]*. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 25:4:1. pp. 154–157.
15. *Sibirskiy student*. (1914) 1–2.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) 7 February.
17. Kozybaev, M.K. (ed.) *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney): v 5 t.* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day): in 5 vols]. Vol. 3. Almaty: Atamura.
18. Anon. (1916) *Ochet o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1915 god* [University of Tomsk Status Report for the year 1915]. Tomsk.
19. *Golos svobody*. (1917) 28 September.
20. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Liquidation and rehabilitation: political repression in Western Siberia in the system of the Bolshevik power (late 1919 – 1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pomozev, O.A. (2014) *Den' osvobodzheniya Sibiri* [The day of Siberia's liberation]. Tomsk: Krasnoe znamya.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 69 *Zhurnaly zasedaniy pravleniya* [Journals of board meetings].
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). F-1. List 1. File 55. Vol. II.
24. Trenin, B.P. (ed.) (2000) *Iz istorii zemli Tomskoy, 1925–1929: Narod i vlast': sbornik dokumentov i materialov* [From the history of the Tomsk land, 1925–1929: People and Power: a collection of documents and materials]. Tomsk.
25. Uymanov, V.N. (1999) *Bol' lyudskaya: kniga pamyati repressirovannykh tomichey* [People's pain: the memory book of the repressed Tomsk residents]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
26. Olitskaya, E.L. (1971) *Moi vospominaniya: v 2 t.* [My memories: in 2 vols]. Vol. 1. Frankfurt: Posev.
27. Victims of political terror in the USSR. (n.d.) *Kronid Konstantinovich Belkin*. [Online] Available from: <http://lists.memo.ru/d4/f47.htm>. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).

Received: 20 September 2016